

БЕГУНЫ И СПАСЁННЫЕ БУРСЫ

Очерк четвёртый

Николай
Помяловский

Главное действующее лицо настоящего очерка — Карась. Что это за рыба?

Карась был довольно самолюбивая рыба. Два его брата, уже бурсаки, смотрели на него как на *маленького*, не допускали его не только в серьёзные, по их понятию, предприятия, но даже и в простые игры, и именно на том основании, что он *не ел ещё семинарской каши*, а между тем он слышал иногда от них рассказы о разного рода играх бурсаков, о бурсацких богатырях, их похождениях, проделках с начальством — рассказы, которые казались ему очень привлекательны: всё это породило в нём страстное желание как можно скорее, всецело, по самые уши окунуться в болото бурсацкой жизни.

Настал давно ожидаемый им день. Сняли с Карася детскую рубашонку и вместо её надели сюртучок — с той минуты он почувствовал себя годом старше; он имел уже *свою* кровать, *свой* сундук, *свои* книжки — это ещё прибавило ему росту; дали ему на булки двадцать копеек, капитал, редко бывавший в его руках, — тогда Карасина гордость сделалась непомерна. Пришёл час расставания с родным домом: помолились богу, благословили Карася, у матери слёзы на глазах, отец серьёзен, сестрёнки задумались, — лишь Карась радуется и скачет, как сумасшедший, он блаженствует от той мысли, что ещё несколько минут — и он будет бурсак, бурсак с головы до ног, вдоль и поперёк.

Карася отвели в бурсу. Здесь он простился с отцом очень невнимательно. Ему хотелось поскорее присоединиться к ученикам, которые играли на большом дворе бursы в *лапту*, *касло*, *отскок*, *свайку*, *рай и ад*, *казаки-разбойники*, *краденую палочку* и т.п. Долго не думая, он по уходе отца отправился на двор, где и присоединился к кучке бурсачков, игравших в *рай и ад*, то есть скакавших на одной ноге среди начерченной на земле фигуры, причём носком сапога они выбивали из разных её отделений камешек... «Это очень весело», — подумал Карась. Но в то же время он услышал насмешливый голос:

— *Новичок!*

— *Городской*, — прибавил кто-то.

— *Маменькин сынок!*

«О ком это?» — думал Карась. Его щипнули.

«Обо мне», — решил он. Сердце его замерло от предчувствия чего-то нехорошего...

— Смазь новичку!

«Это что такое?» — подумал Карась.

На него налетел довольно взрослый бурсак и схватил его лицо в свою грязную пясть. Карась вовсе не ожидал такого приветствия. Он озлился, но не ему, поступившему в училище на десятом году, было бороться с здоровыми бурсаками. Однако Карась не обратил внимания на своё слабосилие. Он размахнулся ногою и ударил ею своего обидчика в живот. Бурсак застонал и хотел дать трёпку Карасю, но Карась ударился в беги.

— Ай да новичок! — слышал он сзади себя одобрение.

«Вона — ещё хвалят!» — думал утекающий Карась. В пять часов вечера братья отвели Карася во второй приходский класс, где он и водворился на задней парте и скоро познакомился со своим соседом, которого звали *Жирбасом*.

— Ты будешь учить урок? — спросил Жирбас.

— Буду.

— Зачем?

— А учитель спросит?

— Быть может, и не спросит.

— Так разве не учить?

— Не стоит.

— И не буду же учить.

Так Карась начал своё духовное образование. Однако же чем развлечься? — впереди предстояли ещё три учебных часа.

— Что ж мы будем делать? — спросил Карась.

— Давай играть в *трубочисты*.

— Ладно.

Но лишь только Жирбас стал *загадывать*, пряча грифель, подходит к Карасю какая-то каналья и, показывая ему небольшую склянку, говорит:

— Хочешь, *посажу тебя в эту бутылочку?*

— В эту?.. Каким образом?..

— Да уж будешь сидеть... хочешь?

— Шутишь, брат!.. Ну-ка, сади!

— Вот тебе шапка — трись ею...

— И буду сидеть в бутылочке?

— Будешь.

Карась берёт поданную ему шапку и начинает очень усердно тереться тою шапкой.

— Входишь в бутылочку, лезешь, — говорили окружающие Карася товарищи, а сами хохотали.

— Чего вам смешно? — спрашивал глупый Карась.

— Довольно! — говорят ему, — сел в бутылочку.

— Как так? — спрашивает Карась, отнимая от лица шапку.

Раздался дружный весёлый смех.

— Где ж я в бутылочке?

— Дайте ему зеркальце.

Подали зеркало. Заглянув в него, Карась не узнал своей рожицы: вся она была черна, как у трубочиста.

Только тут Карась смекнул, что шапка, которою он тёрся, была вымазана сажею и её трудно было приметить на чёрном сукне. Карасю было досадно и стыдно.

— Сам выпачкался, — говорили ему.

— Не на кого и жаловаться...

— Фискальть? да мы его *вздует!*

— Не буду я фискальть, — ответил Карась, — а вы всё-таки подлецы!

Карасю пришлось выносить насмешки своих товарищей. Вымыв рожицу из ведра,

стоявшего в углу класса, Карась обратился к Жирбасу, надеясь на его сочувствие...

— Черти этикие! — сказал он... Но Жирбас, услышав такие слова, отвечал на них оскорбительным для Карасинога уха смехом.

— Жирная скотина! — проворчал Карась... Это было началом его раздора с Жирбасом. Этот раздор с каждой минутой развивался сильнее и сильнее при тех случаях, когда Карасю приходилось как новичку терпеть разного рода шутки и проделки со стороны своих товарищей.

К Карасю подошёл цензор и спросил его:

— *Видал ли ты Москву?*

— Никогда не видал.

— Так я тебе покажу её.

С этими словами цензор схватил Карасиную голову в свои руки, ущемил её между ладонями и приподнял новичка в воздухе...

— Ай, пусти! — запищал Карась.

Цензор, потешившись над рыбою, опустил её на парту. Жирбас опять смеялся. Его рожа для Карася становилась противна.

— Жирная харя! — сказал он вслух. Это несколько не обидело Жирбаса. Он только пуще захохотал. Карась нашёл, что благоразумнее будет, если он и на этот раз смирится — иначе его досада только усилит насмешки соседей.

Но вот спустя немного времени подходит к Карасю какой-то верзила. Строгим начальническим тоном он отдаёт ему приказ:

— Ступай на первую парту. Видишь, там сидит большой ученик. Ты спроси у него *волосянки*. Карась повинуется.

— *Дай волосянки*, — говорит он, подходя к указанному ученику.

— Изволь, сколько хочешь, — отвечает тот и, вцепившись в волоса несчастного Карася, начинает трепать его очень чувствительно... Карась пищит, на глазах его слёзы.

Вернувшись на своё место, он слышит новый смех Жирбаса. Рожа этого соседа делается для него ненавистна.

— Вот тебе! — говорит озлившаяся рыба и даёт толчок по боку соседа.

Но и это не действует на Жирбаса.

— *Чкни* ещё, — говорит он, подставляя другой бок, а сам заливается обидным смехом.

— Свиныя, — приветствует его Карась и отворачивается в сторону с твёрдым намерением не говорить ни слова с соседом.

Карась сидит насупившись. *Смазь, бутылочка, Москва, волосянка* показались ему очень солонны... Он опасается, чтобы ещё не провели его на чём-нибудь. К нему подходит один второкурсник. Карась смотрит на него подозрительно...

— *Что*, бедняга, тебя обижают? — говорит второкурсник ласково...

Карась отвечает на этот вопрос сердитым взглядом.

— Они новичков всегда обижают, — продолжает второкурсник. — Ты мне скажи, если кто тебя тронет.

Карась пойман был на ласковое слово...

— Чего они лезут ко мне, — проговорил он жалобно, — ведь я их не трогаю?..

— Теперь ничего не бойся: я заступлюсь...

— Заступись, брат...

Второкурсник сел подле него и стал расспрашивать, откуда он, где его отец, есть ли у него мать, братья и сёстры. Карась доверчиво раскрыл пред новым знакомцем свою душу: его приветливость была очень кстати и вовремя для огорчённого Карася...

— Хочешь булки? — сказал он, развязывая узелок...

Второкурсник не отказался и стал ещё ласковее...

— Давай, я тебе штуку покажу, — говорит он... — Напиши: «я иду с мечем судия».

Карась написал.

— Читай теперь сзади наперёд, от правой руки к левой.

И от правой руки к левой выходит: «я иду с мечем судия».

Это очень понравилось Карасю...

— Подожди, я тебе ещё покажу штуку, — говорит второкурсник.

Он отлучился куда-то ненадолго и, вернувшись, опять садится подле Карася...

— Напиши, — говорит: — «лей воду, лей; ей-богу, не скажу я никому».

Карась, в надежде, что ещё увидит что-нибудь вроде «судии с мечем», взял карандаш и написал, что требовалось.

Но едва успел он кончить последнее слово, как второкурсник окатил его водою из ковша, который он держал за спиною. Мокрый Карась понять не мог, что это значит.

— Это ещё что? — спросил он.

— Сам, — отвечал второкурсник, — дал расписку, что никому не скажешь...

— Ах ты, подлец, подлец...

Но подлец лишь только смеялся. Отвратительный Жирбас вторил ему. Карась был унижен и оскорблён. Он не вынес смеха Жирбаса и, увлекшись злобой, довольно сильно ударил его по шее... Но, казалось, Жирбас был неуязвим. Он после удара, схватившись за живот, раскатился пущим смехом... Карась стиснул зубы и, закрыв лицо руками, сбирался плакать.

В то время проходил мимо его *Силыч*, парень лет осьмнадцати, товарищ ему, десятилетнему мальчугану. Силыч остановился около Карася, положил на его плечо руку, а другою ни с того ни с сего сильно ударил в его спину. Дух замер в Карасе, потому что удар пришёлся против сердца. Он со стоном еле поднял свою голову.

— За что? — проговорил он...

— *Так себе*, — ответил Силыч.

И действительно, Силыч, человек, как увидим далее, добрый, сам не знал, зачем сделал подобную гадость. Он ударил не по злости, не для потехи, не потому, что рука затеклась кровью

и просила моциону, а именно *так себе*, бессознательно, как-то само ударило, нечаянно... Он спокойно пошёл далее, а Карась, наконец, не вынес и зарыдал...

Жирбаса при этом прорвало неудержимым смехом...

— Что, голубчик, верно, не едал ещё таких штук...

В Карасе вспыхнула вся злость, накопившаяся в продолжение занятных часов...

— Подожди же, жирная тварь, — проговорил он, и с этими словами он, схватив в одну руку линейку, а в другую довольно толстую книгу, принялся отрабатывать Жирбаса — линейкой по бокам, а книгою по голове. Жирбас был старше Карася и сильнее, но оказался трусом. Он и не думал в свою очередь сделать нападение.

— Ай да новичок! — одобряли Карася.

— Молодчина!

— Ты корешком-то его!

Карась послушался доброго совета, повернул книгу корнем вниз и вклеил её в темя ненавистного Жирбаса.

— Bravo!

— Хлётко!

— Свистни ещё его!

Карась послушался и этого совета...

Наконец Жирбас вырвался из его рук и, закричав: «Я смотрителю пожалуюсь», скрылся за дверями.

Расположение товарищей к Карасю переменялось по уходе Жирбаса.

— Попался, голубчик! — говорили ему.

— Так что же?

— А то, что накормят *берёзовой кашей!*

Карась струсил, но, не желая обнаружить этого, проговорил храбро:

— Пусть кормят! — а сам думал:

«Неужели меня в первый же день отпорют? только это не хватало!»

Через несколько минут Карася позвали к смотрителю, и, действительно, в *первый же день* крещения в бурсацкую веру он получил помазание в количестве пяти ударов розгами, причём ему было внушено:

«Только на первый раз к тебе снисходительны; вперёд будем драть больнее!»

Соображая, в каком размере должна усилиться порка в будущее время, он в горьком раздумье возвращался в класс...

— Ну что? — спрашивали его товарищи... Карась, опять не желая показаться трусом, отвечал:

— Отодрали — вот и всё.

— И тебе нипочём?

— Дери сколько хочешь — мне всё одно!

— Э, да ты молодец! — похваливали его товарищи. Карасино самолюбие ощутило приятное щекотание, и он продолжал врать:

— Меня хоть пополам раздери, не струшу!

— Полно, так ли?

— Ей-богу, мне нипочём.

— Ах ты, поросёнок, — осадил его один из второкурсников, — а дирали ль тебя на *воздусях*?

— *На воздусях*? — спросил с недоумением Карась...

— Да, ты вот откушай этой похлёбки, тогда и говори, что *дерут* — *ведь не репу сеют*.

Карась, сделавшись на несколько минут предметом общего внимания, думал: «Значит, и мы не из последних?», но эту думу рефлексировала другая: «Что это такое на *воздусях*? что-нибудь слишком жестокое, если меня пугают такой дёркой?» Но сила последнего вопроса скоро была ослаблена тем, что он за несколько минут до ужина подслушал мнение нескольких второкурсников о своей личности. Они говорили: «Из новичка, кажется, выйдет добрый парень. Фискалить он не любит, порки мало боится, Жирбасу отлично съездил по голове. Из него выйдет порядочный бурсак, только следует пошлифовать его хорошенько. Мы и пошлифуем его!» Такие речи настроили Карася на доброе расположение духа. Он соображал так: «Все эти смази, волосянки, треухи и бутылочки есть не что иное, как шлифованье. Это меня испытывают они. Значит, надо держать ухо востро!» Он решил показать себя молодцом и уже разыгрался духом, намереваясь заявить среди новых товарищей свой характер, вполне

достойный бурсака. «Что такое на воздусях? и какое ещё предстоит мне шлифованье?» — когда эти мысли приходили ему в голову, он старался прогонять их тем, что «из него, вероятно, выйдет добрый парень». «Посмотрим, что будет!» — говорил он себе.

Сходил он в училищную столовую, «щей негодных похлебал», поел каши и после молитвы пришёл в спальную...

— Ты что? — спросил его брат, по прозванию *Носатый*.

— Меня отодрали, — отвечал хвастливо Карась.

— Уже?

— Эге!

Брат, выслушав подробности дела, одобрил поведение Карася... Но Карась, сообщая брату о том, за что его высекали, не сказал ему о своих слезах, которые были вызваны у него сажанием в бутылочку, смазками, окачиванием воды и затрещинами; в нём начинал развиваться ложный бурсацкий стыд, который запрещает краснеть от лозы.

Карась, главное действующее лицо этого очерка, будет описан нами с особенными подробностями, потому что он во многих характерных событиях училища и семинарии принимал деятельное участие и притом прожил в бурсе четырнадцать лет — период, который мы хотим проследить в своих статьях о елейном воспитании. При этом заметим, что мы *лично и очень коротко* знакомы с господином, носящим прозвище Карася, и эту правдивую историю пишем с его слов.

Мы сказали, что Карась уже разыгрался духом от той мысли, что он покажет своим новым товарищам свой характер, вполне достойный бурсака, и что потом всё пойдёт ладно. «Обживёмся», — думал он. Но он и не предполагал, что главное горе было впереди. Он не носил имени Карася при поступлении в училище. Это прозвище он получил несколько дней спустя, и оно-то было причиною тех его несчастий, о которых поведём рассказ.

Дело было так.

Не прошло и четырёх дней, а Карась начал уже задумываться о доме, скучать и потихоньку от товарищей плакать. Желание его обурсачиться пропало. Всё в училище ему казалось гадко и противно. С каждой минутой открывались пред ним гадости, описанные в наших очерках, и он скоро постиг весь контраст между домашним и училищным бытом. Семейная *жизнь* теперь казалась ему полным блаженством, выше которого нет на свете, бурсацкая — царством бесконечных мучений. Он усиленно всматривался в чёрную бездну, которая легла между той и другой жизнью... Домой хотелось, домой!.. Теперь самыми счастливыми для него минутами были те, когда он виделся с своими братьями; но он ошибся и в братьях, когда думал, что, поступив в бурсу, он сделается равен им; Карась принадлежал к *приходчине*, на которую старшие классы смотрели свысока и с пренебрежением. С товарищами он не успел сойтись. Тоска грызла Карасино сердце, и ему приходило не раз в голову: «не дать ли тягу из училища? — но куда бежать?» В это время Карась и придумал дело, которое показалось ему очень хорошим.

1

При всей нашей характеристике хоров должно помнить, что она вполне относится не ко всем им: из них отчасти должно исключить хоры при учебных заведениях, хотя и эти хоры не совсем безвредны, но о них речь будет когда-нибудь после.

Карась ещё дома знал, что в училище так называемым *певчим* не житьё, а масленица. В епархиальном главном городе той бурсы, в которую поступил он, было несколько духовных певческих хоров: ученический, семинарский, академический, архиерейский и, кроме того, два хора при городских церквях. Дисканты и альты (иногда басы и тенора) в эти хоры набирались из учеников. Родители всегда восставали против того, что их детей верстали в певчие. Хоры положительно портили детей¹. Мальчики теряли учебное время на спевках, *заказных* обедах, свадьбах и т.п. В прошлом очерке мы приводили факты бурсацкого невежества, но самое глухоголовое невежество царило в певческих хорах. Дельные бурсаки рассказывают, что за *четырнадцать* лет они помнят только *одного* умного человека, бывшего в маленьких певчих, да и тому не удалась жизнь: поступив по окончании семинарского курса псаломщиком в один из университетских заграничных городов с намерением получить полное образование, он кончил тем, что застрелился. Хоры, делая мальчиков дураками, в то же время развращают их. Присутствуя очень часто на поминках, на которых, как известно, наш православный люд не ест, а лопает, не пьёт, а трескает, дети не только видят пьяных, но привыкают и сами пить водку. Равным образом они нередко бывают при кутежах больших певчих, слышат цинические рассказы о полуведерных, любовных похождениях, картёжной игре, о драках и разного рода скандалах. Кроме того, маленькие певчие получают деньжонки, особенно так называемые *исполатчики*, — деньжонки идут у них не путём. Чтобы сразу охарактеризовать растлевающую силу хорового быта, представим читателю следующий факт. В одно время какая-то старая дева, на закате дней своих начавшая похотствовать, приучила к себе маленьких певчих возрастом *от пятнадцати до осьми лет*, шесть человек, и со всеми ими вступила в гражданский брак. Иногда же маленькие певчие употреблялись для того дела, для которого Нерон

употреблял Спора. Понятно, что очень легко погибнуть мальчику в певческом хоре.

Карась не знал ничего этого. Он решил поступить в хор. Впрочем, он поступил в учебный хор, в котором хотя тоже баловались дети, но всё же не развращались. Поступив в семинарский хор, Карась мог отлучаться из училища два раза в неделю на спевки, причём хоть сколько-нибудь удавалось подышать чистым воздухом; кроме того, в семинарии певчих поили иногда чаем и давали деньги; наконец певчие состояли под особым покровительством семинарского начальства. Смекнув всё это, Карась в то время, когда ему противна стала бурса, поступил в хор; но не смекнул Карась того, что он, несмотря на свой сильный альт, не имел никакого певческого таланта. Это ему дорого обошлось. Лучше бы и в самом деле быть ему безгласной рыбой, а не певчим. За постоянную фальшу в пении начали драть ему уши, потчевать пинками, щипками и ударами камертона в голову. Тогда Карась пустился на хитрости. Его сотрудники поют, а он только рот разевает. «Не заметят, — думает, — скажут, что и я пою». Но регента трудно было провести такими штуками.

— Ты, галчон, что только рот разеваешь? — сказал он Карасю.

— Я пою.

— Врёшь, каналья.

— Ей-богу же, пою!

Карась перекрестился.

Карась крестится, а его за ухо.

— Пой, шельмец, громче!.. шибче!..

Карась заревел во всё горло. Пение вышло так хорошо, что все расхохотались, и сам регент не выдержал. Один же озорник из маленьких певчих, по прозвищу *Лёха*, указывая на мученика пальцем и задыхаясь от смеху, проговорил:

— Ка... ка... ка... ррррсь...

— И вправду карась... Широкой, как карась, — подхватили другие.

— Его надо в пруд!

Пошла потеха.

Карась не был настолько благоразумен, чтобы обратить дело в шутку. На возвратном пути *Лёха* дразнил его, и когда они

пришли в училище, бурсачки, окружив его, стали кричать:

- Карась!
- Рыба!
- С ершом подрался!

Карась стал браниться; его начали дёргать за полы и щипать; тогда Карась принялся за палки и камень. Весело стало ученикам; толпа увеличилась. Наконец кто-то сшиб Карася с ног.

— *Мала куча!*

На Карася повалили других, на других третьих, и пошла история.

— Где ты, Карасище? — кричали сверху. Карасю живот тискали, Карась задышался, Карась землю ел, Карась плакал...

После долгих усилий он вырвался кое-как и ударился бежать в класс. Бурсачки бросились за ним в погоню. В классе окружили *его* снова.

— *Давайте нарекать Карася...*

Схватили его за руки и всевозможными голосами, с криком, визгом, лаем, стоном начали кричать в самые уши его:

— Карась, Карась, Карась!

Гвалт поднялся страшный, и среди него ученики не слышали, как раздался звонок, возвещающий классные занятия. Прошло довольно времени, и уже в соседний класс пришёл учитель, знаменитый Лобов, а шум не унимался. Несчастливого Карася щипали, сыпали в голову щелчки, кидали в лицо жёваную бумагу. Карась точно в котле варился; он постепенно был оглушён и ошипан. Шутка зашла так далеко, что ему уже казалось, будто из мира действительности он перешёл в мир полугорячего, безобразного сна. Рёв был до того невыносим, что Карасю представлялось, что ревь кто-то внутри самой головы его и груди. Начинать он шалеть, предметы в глазах путались, линии перекрещивались, цвета сливались в одну массу. Ещё бы минута, и он упал бы в обморок. Но Карася так жестоко щипнули, что вся кровь бросилась в лицо его, в висках и на шее вздулись жилы, и он с остервенением и в беспомощности бросился на первого попавшегося под руку; пальцы его, вцепившись в волосы жертвы, заостенели.

Дело кончилось крайне омерзительно...

В класс вошёл Лобов, которого сбесил шум бурсачков. Все разбежались по местам: лишь один Карась таскал свою жертву, которая, к несчастью, пришлась ему под силу.

— Взять его! — приказал Лобов.

Никто ни с места.

— Взять его!

На Карася бросились ученики большого роста и в одно мгновение обнажили те части корпуса, которые в бурсе служат проводниками человеческой нравственности и высшей правды.

— *На воздушных его!*

Карась повис в воздухе.

— Хорошенько его.

Справа свистнули лозы, слева свистнули лозы; кровь брызнула на теле несчастного, и страшным воем огласил он бурсу.

С правой стороны опоясалось тело двадцатью пятью ударами лоз, с левой столькими же; пятьдесят полос, кровавых и синих, составили отвратительный орнамент на теле ребёнка, и одним только телом он жил в те минуты, испытывая весь ужас истязания, непосильного для десятилетнего организма. Нервы его были уже измучены тогда, когда его нарекали Карасём, щипали и зашупали, а во время наказания они совершенно потеряли способность к восприятию моральных впечатлений: память его была отшиблена, мысли... мыслей не было, потому что в такие минуты рассудок не действует, нравственная обида... и та созрела после, а тогда он не произнёс ни одного слова в оправдание, ни одной мольбы о пощаде, раздавался только крик живого мяса, в которое впивались красными и темными рубцами жгучие, острые, яростные лозы... Тело страдало, тело кричало, тело плакало... Вот почему Карась, когда после его спрашивали, что в его душе происходило во время наказания, отвечал: «Не помню». Нечего было и помнить, потому что душа Карася умерла на то время.

— Бросьте его!

С этими словами Лобова кончилось гнусное, любовское, лобное дело.

В жизни человека бывает период времени, от которого зависит вся моральная судьба его, когда совершается перелом его нравственного развития. Говорят, что этот период наступает только в юности; это неправда: для многих он наступает в самом розовом детстве. Так было и с Карасём. Слышали мы от него мнение такого рода: «Все уверены, что детство есть самый счастливый, самый невинный, самый радостный период жизни, но это ложь: при ужасающей системе нашего воспитания, во главе которой стоят чёрные педагоги, лишённые деторождения, — это самый опасный период, в который легко развратиться и погибнуть навеки». Это Карась испытал на себе...

Карась после *нарекания* и порки не мог опомниться и на долгое время потерял способность соображать. На другой день его посетил отец. Лишь только он увидел отца, из глаз его полились слёзы. Родное селение, кладбище, дом с садом, семья, до-

машине товарищи, игры — всё это живой картиной встало перед его воображением. Он теперь хорошо понял, как мила домашняя жизнь, которая казалась ему такой простой, и как гнусна бурсацкая, к которой он когда-то стремился.

— Домой хочу, — говорил он, глотая солёную слезу.

Отец его был человек в высшей степени добрый. Ему сделалось жалко сына...

— Тятенька, возьмите меня домой.

— Нельзя, — отвечал отец, — надобно учиться; все учатся, а ты не маленькой... Сначала только скучно, а потом привыкнешь... Ты веди себя хорошо, хорошо и жить будет.

Но отец вдруг прервал свою речь. Он подумал: «Все мы говорим детям подобные вещи, но они никогда не утешают их».

Отец вздохнул.

— Зачем вы меня отдали сюда?

Сын заплакал.

— Обижают, что ли, тебя?

Сын ничего не отвечал...

Отец видел, что что-то неладно... Он опять сказал ласково:

— Что же, тебе худо здесь?..

Не только дети, но и взрослые, когда посещают их горе, делаются несправедливы к самым близким людям и друзьям, отплачивая на них своё горе. У Караса появилась досада на своего доброго отца.

«Зачем меня отдали в эту проклятую бурсу? — рассуждал он, не говоря отцу ни слова. — Зачем меня заперли сюда?..

Отец меня не любит, мать тоже, братьям и сёстрам я не нужен... Большие всегда обижают маленьких... Когда так, не хочу домой... пусть их... мне всё одно... Что и дома, когда там все ненавидят меня?.. Им приятно, что я мучусь... нарочно отдали сюда, чтоб меня секли, били, ругали... Отпустят в субботу домой, не пойду домой».

Так рассуждал Карась, а самому страстно хотелось домой. Казалось, тут и раскрыть свою душу перед отцом, но Карась роптал и думал про себя: «К чему? не поможет!» Он решил ничего не говорить отцу, который так и не узнал, какую моральную и физическую пытку перенёс его сын в первые дни училищной жизни.

Когда ушёл отец, к тоске по родному дому присоединился страх. Карась и не подозревал, что он, сравнительно с большинством новичков, довольно счастливо начал бурсацкую карьеру. Товарищи знали, что он вошёл в училище с весёлым лицом, а не со слезами, на первую пожалованную ему смазь отвечал ногой в живот обидчика; когда его сажали в бутылочку, давали ему волосьянку, показывали Москву, обливали водой, когда бил его Силыч, — он и не думал жаловаться начальству, значит, из него не выйдет фискал; он лихо отколотил Жирбаса, получил в первый же день порку; когда дразнили его на дворе, он хватался за палки и камня, а не бежал к инспектору; даже во время самого *наречения* его вцепился в волосы одного бурсака, — всё это

были факты такого рода, которые внушали уважение к Карасю. Для него скоро бы прошло время, в которое его считали бы новичком и в которое больше всего терпит бурсак; но он потерял способность резюмировать, — Лобов отшиб эту способность на время. Не будь Лобова, дело ещё пошло бы кое-как. Но в это-то время душевного отупения перед ним и развернулась широкая, бездонная, зияющая пропасть бурсацких ужасов, силу которых он испытал на своей коже, мясе и костях. Карась находился теперь под полным подавляющим влиянием этой силы: мёртвая безнадежность, глухое отчаяние легли на его сердце, и если бы товарищи продолжали мучить его, а начальники драть беспощадно, не дав отдохнуть для борьбы, он превратился бы или в дурака, или в подлеца. Вспоминая это страшное время, Карась говорит: «Многие честные дети честных отцов возвращаются домой подлецами; многие умные дети умных родителей возвращаются домой дураками. Плачут отцы и матери, отпуская сына в бурсу, плачут и принимая его из бурсы».

Карась уединился ото всех и замкнулся. Он всех боялся.

Но должно же было разрешиться чем-нибудь это пассивное страдание? Оно могло пока разрешаться только внутренним путём. В душе его проявляется страшная злость и ненависть, однако боящаяся обнаружить себя. Она горячит воображение Караса, и в голове его возникают странные идеи и картины. Он переносится в область фантазии, единственный уголок, где может он приютиться безопасно.

«Хоть поджжёт бы кто ненавистную бурсу!» — думает он. Эта мысль очень нравилась ему, и он быстро доходит почти до образных созерцаний.

Карась представляет себе, как он с зажжённой паклей в руках опускается в подвалы училища, строит там огромные костры и, вышедши оттуда, ждёт, скоро ли пламень своими огненными языками начнёт лизать проклятые бурсацкие гнёзда. Злость его видит, как пожар охватил бурсу... трещат, нагибаются, падают стены... разрушаются гнусные классы... горят противные

книги и учебники, журналы и нотаты... гибнут в огне начальники и учителя, цензора и авдиторы... С галлюцинационной ясностью стоит перед Карасём нарисованная им картина... Слышит он треск и гром разрушающегося здания, вопль умирающего начальства... «Это кто стонет? — спрашивает Карась. — А! это Лобов корчится на горячих угольях, его придавило бревном, глаз его лопнул, почернели губы, и трескается зверское лицо...» Карась с сладострастным наслаждением любит своими образами и живёт злорадной мечтательной мутью... Нервы его в полугорячем состоянии; пульс бьёт девяносто в секунду; голова горит... Когда в действительности силы связаны, тогда у мальчика с сильным воображением является в неестественных образах гиперболическая месть. Доводя злые мечты до последнего развития, Карась повторяет одно и то же несколько раз, определяя каждую подробность их, каждую мелочь. Но такое психическое состояние не может продолжаться долго; душа утомляется, и начинает незаметно пробиваться здравая мысль. Карась, погружённый в свирепые мечтания, почему-то вдруг вспоминает, как он однажды подшиб нечаянно камнем голубя и потом целую ночь не мог заснуть от мучений совести... Он ясно начинает понимать всю ложь и безобразие своих картин, гонит их прочь, на душе делается пусто и противно, остаётся одна тошнота от неумеренных и бесплодных мечтаний.

Яркий звонок возвестил час вечерних занятий.

Действительность, от которой он закрывал глаза и затыкал уши, врывалась насильно в сознание, обнаруживая всё ребячество его раздражённого воображения. Он сидел в классе, на задней парте, понуря тоскливо голову. Уличённый совестью, он теперь гнал от себя мечты, и таким образом ни во внешнем, ни во внутреннем мире не осталось места, куда бы можно было спрятаться, а между тем душа и тело просят деятельности. В этом мучительном состоянии Карась не знает, что и делать. Очень тяжело ему.

«Господи, — думает он в невыносимой тоске, — хоть захворать бы мне!» Это

было толчком, от которого развились фантазии в новом направлении. Кроме внутреннего мира, нигде не было приюта. И вот Карась болен... Он при смерти... Родная семья плачет около его постели и прощается с ним до радостного утра... Карась готовится к переходу в вечность... последний час... Но далее мечта сбивается с пути, потому что умирать не хочется. Карасю является Николай чудотворец, исцеляет его и велит идти спасаться в пустыню... Рисуется ему пустынная, мирная, ангельская жизнь, трудные подвиги, церковные песни, беседы с богом... Из него выходит великий святой... Он получает дар пророчества и чудодействия... на поклонение ему стекаются жители окрестностей... Долгие годы он постится, молится, изнуряет свою плоть, благодетельствует людям, и он уже видит, как господь призывает его к себе, как являются его мощи... как...

— Карасище!

Это был голос не с того света, а из бурсацкого мира.

— Ты брат *Носатого*?

Карась видит пред собою страшного Силыча и инстинктивно сокращает свою шею...

«Боже мой, он опять бить пришёл меня!» — думает Карась.

— Брат тебе Носатый? — повторяет Силыч...

— Брат, — отвечает Карась, не понимая, к чему идёт дело...

— И ладно, коли брат... Теперь ты ничего не бойся... Я за тебя, потому что твой брат мой первейший друг... Жалуйся мне, кто будет обижать тебя... Слышишь?

— Слышу.

Но, вспоминая коварного второкурника, Карась недоверчиво смотрел на нового покровителя...

— Тише! — закричал Силыч звонким голосом... Больше ста человек приготовились слушать Силыча со вниманием. Это показывает, какое он имел влияние в классе.

— Встань! — сказал он Карасю.

Карась поднялся на ноги...

— Вот эту рыбу, — обратился он к классу, показывая на Карася, — никто не смеет обижать... Кости переломая тому, кто тронет Карася...

Карасю стало легко на сердце...

— А ты, Карась, жалуйся мне... Скажи, кто тебя трогал?

— Не знаю...

Он действительно не знал, на кого указать...

— Не бойся; говори, кто тебя обижал?

— Никто не обижал...

— Быть не может...

— Да все обижали...

Это было вернее.

— Кто твой авдитор?

— *Рыжик*.

— Хорошо. Я скажу ему, чтобы он не смел тебя *жучить* (строго выслушивать урок).

— Спасибо, Силыч...

— Будет просить булки, не давай...

— Ладно, Силыч...

— Так слушайте же, — опять обратился Силыч к классу, — беда тому, кто даже пальцем тронет Карася!..

Но на этот раз послышался ответ некоего *Паникадилы*:

— Ну, не велика ещё беда...

Силыч посмотрел в ту сторону, откуда слышался голос. Он ничего не отвечал, а только сердито сжал кулак...

— Не бойся, — сказал он Карасю и стал гулять по классу...

Из мира фантазий Карась быстро и охотно перешёл в мир действительности. Точно гора свалилась с его плеч... Оглядывая товарищей, он видел, что впечатление, произведённое Силычем, было очень велико... Легко, весело, вольно стало ему. Он начал наблюдать жизнь занятных часов и скоро увлёкся ею...

Но он и не подозревал, что сделался теперь предметом раздора между Силычем и Паникадиллом...

Кто такое Силыч?

Носатый, брат Карася, до поступления в училище ходил в частную школу, где и познакомился на понюшке табаку с сыном городской вдовы-дьячихи Силычем. Впоследствии они стали друзьями. Оба они поступили потом во второй приходский класс бursы... Здесь Силыч остался на второй курс — вот почему и встречаем его, восемнадцатилетнего парня, товарищем Карася и вместе с ним склоняющим «перо, пера, перу», долбящим «един бог», изучающим «сумму» и «разность». Силыч был среднего роста, некрасиво скроен, но крепко шит и обладал замечательной силой... Он однажды пришёл в гости к своему приятелю Носатому. Отправились на реку. Там мужики ловили рыбу. Один из рыбаков сматывал верёвку с ворота. «Дядя, — говорит Силыч, — давай я буду сматывать, а ты останови ворот за палку». «Ты, кутья, должно быть с ума сошёл», — отвечал мужик. «Так верти же хорошенько». Мужик завертел ворот так, что палки его сливались для глаза в один сплошной круг, с каждой минутой усиливая скорость оборотов. Силыч подставил свою крепкую ладонь, толстая палка ворота вцепилась в неё — и ворот остановился неподвижно. Мужик только подивился на него. При таких крепких мышцах Силыч обладал не меньшею и ловкостью. Приходит он ещё раз к Носатому в гости. Теперь они пошли гулять в поле, но лишь только стали подходить к забору, как услышали сзади себя голос мужика, который ругался, зачем они траву мнут. Друзья полезли через забор, на кладбище; мужик за ними. Силыч смело встретил его. «Что тебе надо?» — спросил он мужика. Тот оказался несколько пьяным и, разгоряченный вином, хотел ударить Силыча. Его рука уже описала полукруг в воздухе, но в то время, когда должен был совершиться удар, Силыч быстро наклонился и прошмыгнул под рукой мужика. После того он выпрямился, встал пред мужиком снова и, окрестив руки, сказал: «Бей ещё!» Последовал второй размах,

и опять напрасно... Силыч снова встал пред ним и опять сказал: «Бей ещё!» И на этот раз мужик не мог поймать своим большим кулаком лицо Силыча. Тогда только Силыч произнёс: «С трёх раз не попал! теперь держись за землю, а не то упадёшь», — и с этими словами сшиб мужика с могилы... И вот этакой-то господин заодно с Карасём склонял «перо, пера, перу», долбил «един бог» и т.п. Что же делать? Его поздно отдали в бурсу, и до неё он добывал для матери копейку, справляя службы за дьячков, читая по покойникам, занимаясь славлением Христа, молебнами и обеднями. Будучи учеником, он в семье и среди знакомых принимался как взрослый человек. Силыч был вообще человек добрый. Он никогда не употреблял своих здоровых кулаков на то, чтобы вынудить взятку или добиться от кого-нибудь низкой послуги. Если же он и давал кому затрещину, как, например, Карасю при первом с ним знакомстве, то из этого ещё ничего не следует: в бурсе затрещина — всё одно, что в лавке мелкая монета. Но поступить под защиту такого господина значило обеспечить себя от всевозможных обид с чьей бы то ни было стороны... Силыч был и не глуп, и не его беда, что так поздно он начал склонять «перо, пера, перу»...

Что такое Паникадило?

Чтобы определить его, надо сказать наперёд, что такое *озубки*. *Озубками* в бурсе называются куски хлеба, остающиеся на столе от обеда и ужина, и притом такие куски, которые имеют на себе следы чьих-либо зубов. В бурсе есть поверье, что съеденный озубок сообщает силу того, кому он принадлежит. Многие постоянно ели чужие озубки, чтобы сделаться богатырями. Паникадило, великовозрастный ученик, ел их уже несколько лет. Он постоянно бахвалился своей силой, которая действительно была велика. Он со всеми передрался в классе, кроме Силыча. Силыч был для него бельмом на глазу за то, что держал в своих руках пальму кулачного первенства. Он и боялся Силыча, и не хотел верить, чтобы тот смог дать ему трёпку. Этот вопрос давно мучил Паникадилу, и он

решил, что должно получить на него ответ сегодня...

Карась между тем совершенно успокоился. Он опять сошёлся с Жирбасом, который оказался круглым дураком. «Это не беда!» — подумал Карась и стал играть с ним в трубочисты.

— В которой руке? — спрашивал он Жирбаса... В это время подошёл к нему Паникадило, взял его за воротник сюртука, положил спиной на парту и стал загигать ему салазки...

— Оставь! — кричал Карась.

Паникадило гнул ему ступни за самые плеча.

— Силыч! — завопил Карась...

— Что? — откликнулся тот.

— Заступись!..

Явился Силыч, Паникадило того ждал... Он бросил Карася.

Начались предварительные переговоры.

— Ты зачем, сволочь, трогаешь его?

— А тебе что?

— Не слышал, что я говорил?

— На это ухо глух.

— Значит, вытряски захотелось?

— Ну-ко, тронь!

— А ты думаешь, не трону...

Силыч подвинулся к Паникадиле...

— Задень только, задень...

Паникадило подвинулся к Силычу.

— Слышь, не лезь!

Силыч толкнул Паникадилу плечом...

— Ты не толкайся!

Толчок был отдан обратно...

В такой форме бурсаки, желающие подражаться, бросают друг другу перчатку. Началось плюходействие.

Специалисты сразу же решили: «намнут Паникадиле бока», и действительно, не прошло пяти минут, как Силыч сидел верхом на Паникадиле, мял его и спрашивал:

— *Живота или смерти?*

— Пусти!.. чёрт с тобой!..

— Карася будешь трогать?

— Да ну тебя!

— То-то!

Потряси Паникадилу за шиворот, Силыч отпустил его с миром.

Паникадило, отправляясь на своё место, думал про себя: «Чёрта с два: эти проклятые озубки ничего не значат. А впрочем, я, быть может, мало ел их?» И после того он продолжал есть озубки и, быть может, по настоящую минуту кушает их, но более никогда он не решался схватываться с Силычем...

Таким образом, куча плюх, смазей и салазок, тычков, швычков и плевков, зуботрещин, заушений и заглушений пронеслась довольно благополучно над головой Карася.

И опять повторим: не для всех проходят первые дни бурсацкой жизни так счастливо, как они счастливо миновались для Карася... Но ни для кого они не остаются без последствий; не остались без них и для Карася.

РОМАШКА

Слова М. Агашиной, Музыка В. Кондратьевой, Гармонизация П. Янышевой

Неторопливо *mp*

На ог-ром-ной клум-бе у вок-за-ла, вет-ром на-кло-нён-ная к зем-

ле, *mf* позд-няя ро-маш-ка за-мер-за-ла, тре-пещ-а на вы-сох-шем стеб-ле. *f* Вы-ги-ба-ла то-нень-ко-е те-ло *mp*

и со-про-тив-ля-лась, как мог-ла, *p* слов-но до пос-лед-не-го хо-те-ла быть хоть кап-лей лет-не-го теп-ла! *Для повторения* 2. По-ез-ё. *Для окончания*

На огромной клумбе у вокзала,
Ветром наклонённая к земле,
Поздняя ромашка замерзала,
Трепеща на высохшем стебле.
Выгибала тоненькое тело
И сопротивлялась, как могла.
Словно до последнего хотела
Быть хоть каплей летнего тепла!

Поезда вдали гудели встречным.
Люди шли, от ветра наклонясь.
И ромашка чем-то бесконечным
Показалась каждому из нас:
Чистой веткой молодой берёзки,
Тополиным пухом по весне,
Первым снегом, брызгами извёстки
На ещё не крашеной стене...

На огромной клумбе у вокзала,
Ветром наклонённая к земле,
Поздняя ромашка замерзала,
Трепеща на высохшем стебле.
Не одно, наверно, сердце сжалось:
Что поделать — каждому своё!
Только в сердце врезалась не жалость —
Маленькое мужество её.